

Лев ДУРОВ:

«КЛОУН – ВЫСШИЙ ПИЛОТАЖ В АКТЕРСКОЙ ПРОФЕССИИ»

в Дурове погиб великий клоун. А в Англии, на Эдинбургском фестивале, вас назвали «трагическим клоуном». Вы дорожите этим неофициальным званием?

— Очень. Клоун — высший пилотаж в актерской профессии. Я абсолютно уверен, что каждая роль, даже самая «смешная», несет в себе драматическое начало. Вспомним Чарли Чаплина — хрупкого, тонкого, оптимистичного трагика. Жизнь постоянно ставит ему подножки и дает затрещины. А он подтянет штаны, покрутит свои квадратные усики — и вперед. И зритель вытирает слезы, ему уже не до смеха. Не могу да и не хочу сравнивать себя с Чаплиным, но если меня назвали трагическим клоуном, надеюсь, что чего-то стою и я.

— Рассуждения о трагическом и комическом невольно затрагивают понятия добра и зла. На ваш взгляд, чего в человеке больше?

— Добрими или злыми, подлецами или героями не рождаются. В каждом из нас живет все, но в конечном итоге побеждает что-то одно. Ромео и Тибальд, Отелло и Яго, Клаус и Пастор ходят рядом. Пока Тибальд не убьет Меркуцио, а Ромео не выхватит шпагу. Пока Отелло не задушит Дездемону, а Штирлиц не выстрелит в Клауса, чтобы спасти многих людей. Но разве не драма для Ромео стать убийцей?

— А что вы думаете о так называемых «маленьких людях», которых вам пришлось играть много лет?

— С этим определением нас знакомят еще в школе, когда педагоги рассказывают о героях Гоголя или Чехова. И все знают, что Акакий Акакиевич — маленький человек. Или Медведенко в «Чайке». Но определение это меня почему-то всегда раздражало. Какое-то оно снисходительное и сюсюкающее. Мне всегда хотелось его опровергнуть своей игрой. Потому что — ну не должен быть человек маленьким! Не должен — и все тут. И никто и ничто не может сделать человека маленьким, кроме него самого. Для меня маленький человек — это несчастье или зло. Потухший и смирившийся, он не вызывает ни любви, ни уважения. Может быть, только жалость, но она унижает человеческое достоинство.

Когда-то во МХАТе Снегирева в пьесе Розова «Брат Алеша» по мотивам романа Достоевского «Братья Карамазовы» играл Москвин. Играл потрясающе, играл высшую меру унижения и раздвоенности. Я не собирался вступать в спор с великим Москвиным. Просто играл иначе. Не унижение и раздвоенность, а протест против унижения, вызов жизни, которая загоняет тебя в угол, которая держит твоё сердце в кулаке и сжимает его по своей прихоти.

— Лев Константинович, сейчас многие актеры пишут книги. У всех вдруг обнаружился писательский дар. Что остается профессиональным литераторам, может быть, осваивать театральные подмошки?

— А что? Почему бы некоторым и не попробовать, да и есть же такой опыт. Если говорить серьезно, то, действительно, сегодня пишут все. Даже те, кто совсем не умеет и забыл, что такое подлежащее и сказуемое. Знаете, как я отвечал друзьям, которые мучили меня одним и тем же вопросом: «Ты пишешь книгу? Ты пишешь книгу?» Ребята, я же не писатель, я — актер, и мне нравится моя профессия. Что вам еще от меня надо?

— Следует сказать «спасибо» вашим друзьям, потому что «Грешные записки» удалась. Так же, как и ваши роли, они вызывают и смех, и слезы. У меня есть знакомые, которые буквально влюбились в вас после того, как прочитали книгу.

— Что вы говорите? Как интересно. С этими мемуарами — беда, ведь нельзя

объять необъятное. Слишком о многом и о многих хотелось мне написать. Отсюда и название книги: «Грешные записки». Ведь наверняка о ком-то не успел или не получилось рассказать, кому-то просто не угодил. А значит, остался грешным, виноватым. Но надеюсь, что они меня простят, потому что знают, как я их всех люблю.

— Если за обложкой «Записок» осталось многое, может быть, вы собираетесь написать еще одну книгу?

— Мне даже неловко перед издательством «Алгоритм». Дело в том, что я малодушно согласился на продолжение. Но пока перо по бумаге не бежит, а же на самом деле не писатель, а дилетант. Книга должна созревать, созревать, созревать, а потом — с легкостью выплеснуться. Поэтому я пока попросил у издательства тайм-аут, думаю, что они не обиделись.

— О чем будет ваша вторая книга?

— О театре. Я уже придумал, в каком жанре ее напишу. Это будет рецензия на себя и свои спектакли.

— Похвалите или разгромите?

— Как получится, но подпишу — Лев Дуров.

— Дуровы — потомственная дворянская фамилия, известная цирковая династия. Это как-то тешит ваше самолюбие?

— Я этого просто не понимаю, и мне неприятно наблюдать, как взрослые люди играют в детские игры: в дворян, князей, графинь — черт знает в кого. Ну давайте все разом наденем кринолины и начнем делать реверансы. Не может дворянский титул компенсировать нравственные изъяны. Со своими именитыми родственниками я познакомился довольно поздно. И, честно говоря, не искал с ними встреч. Но они, естественно, случились.

Если читателям «КО» интересно, то буквально на днях мне прислали в письме исторические архивные документы (ксерокопию). Среди них — рапорт Его императорскому величеству о том, что государственные преступники — петрашевцы: Дуров, Достоевский и Ястржембский закованы в кандалы и отправлены в Тобольск. Кстати, Сергей Ястржембский, заместитель московского мэра, — потомок того самого мятежника. Вот в какую компанию я затесался.

— В книге вы рассказываете о том, как одному из ваших прадедов — городничему из Саранула Пушкин проиграл пять тысяч рублей. Любопытно, передается ли азартность генетически?

— Только на сцене. Правда, однажды в городки неплохо поиграл: разбил всю хую целую пожарную команду. Как потом узнал, они были чемпионами области. Свой выигрыш могу объяснить лишь совершенно неменяемым состоянием — был пьяный.

— Многим понравились ваши гениальные одностраничники, которые вы приводите в предисловии: «Я негодай, но вас предупреждали». А их вы продолжаете сочинять?

— Ну что вы. Не собираюсь, да и не собирался срывать с головы Вишневого лавровый венок. Хотя, согласитесь, «Никто ко мне не ходит на могилу» — это круто.

— Сейчас многие пишут, что мы живем в театре абсурда. Если бы вы были режиссером-постановщиком политического шоу под названием «Выборы», как бы вы его поставили?

— Я уже поневоле в это шоу попал. Подставила меня тут только что одна газета с очень коммерческим названием. Позвонили по телефону и спрашивают: «Верите ли вы, что Лужков ездит на тракторе и живет в бане?» «Конечно, нет», — говорю. Так они опубликовали примерно следующее: «Лев Дуров не верит, что Лужков ездит на тракторе, и

считает, что мэр Москвы не должен жить в бане». Точный текст не помню. А другая влиятельная и популярная газета опубликовала письмо по поводу хамства на телевидении. И моя подпись там одна из первых. Кому надо, быстро вычислили: ясно, кого Дуров защищает. Ну, конечно, он же Яго играл, он же Клауса играл, у него же есть практика. И что мне делать прикажете? Морду набить или на дуэль вызвать? Я вызывал уже одного журналиста, не стал он со мной драться ни на кирпич, ни на пистолетах. Не буду я с ними связываться. Правильно советовал булгаковский герой: «Не читайте газет, чтобы не испортить себе аппетит». Так что эти ребята потеряли еще одного подписчика.

— Это же чистая подставка, ведь Лужков помогает театрам.

— Вот именно. У меня к Лужкову как к хозяину города ничего, кроме уважения, нет. Спасибо ему за восстановленные арбатские переулочки, за перенесенные пешеходные мосты, за развязки. И напрасно те газетчики радуются, что «сделали» Дурова. Плевал я на них. Никогда в жизни не участвовал ни в каких разборках. Вы видели меня около хоть одного члена правительства? Хотя, конечно, предлагали и продолжают предлагать поездки в один город, в другой — постоять рядом. Но я ни в ком из кандидатов до конца не уверен. Зачем же людей обманывать? Ведь и вы на 100 процентов ни в ком не уверены, правда? Так что черт с ним — с этим шоу. Хорошо, что все-таки не в зоне живем, не под диктовку.

— То есть вы не испытываете ностальгии по временам молодости, когда не было рыночных отношений и «люди были проще»?

— Нет у меня ни ностальгии, ни тоски. Те времена были ложные, все было построено на страхе. Нас приучили к тому, что бедность — это патриотизм. И приучили те, кто не бедствовал. Внушили: шаг вправо, шаг влево — побег, конвой стреляет без предупреждения. Чем ты беднее, тем преданнее. Но любовь к Родине не определяется нищетой, а у нас десятилетиями плодили только нищих. А после распада СССР почти вся страна оказалась за гранью нищеты. И произошла поразительная метаморфоза. Страна нищих стала плодить миллионеров.

— Вы никогда не мечтали о богатстве?

— Мои желания гораздо скромнее: не думать о куске хлеба. Потому что это унижительно, недостойно человека. Любого, а творческого — тем более. Ну что это за актер, если в глазах у него горит не огонь вдохновения, а тоска и отчаяние?

— Как артисту вам в какое время легче и плодотворнее работалось?

— Легко никогда не работается. Я вообще считаю, что искусство и политика соприкасаться не должны. Более того, искусство должно быть в оппозиции. В советское время это было чревато. Сейчас мы тоже живем в тревожное время, но ведь не под угрозой физической расправы.

Культурой командовали идиоты в полном смысле слова. Расскажу об одном случае такого руководства. Это было в ту пору, когда Эфрос перешел в Театр имени Ленинского комсомола. Директором же «Ленкома» был некий Меренгоф. Этот чинуша играл в театре роль провокатора, подсадной утки. Спрашивает он, к примеру: «Скажите, Эфрос, почему вы не ставите «Молодую гвардию»? — «Потому что это плохая литература, ее нельзя играть». Меренгоф тут же бежал к себе в кабинет и звонил в Управление культуры. Или: «Почему не ставите «Как закалялась сталь»? И снова бежал звонить.

Сейчас, правда, другая опасность. Вот стоят передо мной на полках книги драматургов всех времен и народов, а я не

Он вошел в театр, который называется «Школа современной пьесы», со служебного входа, что-то мурлыча себе под нос. До начала спектакля «Все будет хорошо, как вы хотели», где он играет с Ириной Алферовой, оставалось чуть больше часа.

— Поете, Лев Константинович, а мы тут вас ждем.

— Ох, совсем забыл. Только что с самолета.

Тот, кто не верит в существование вечного двигателя, кто не читал живой и динамичной книги «Грешные записки», — просто не знаком с Львом Дуровым.

— Вот завтра отыграю в «Сатириконе» «Афинские вечера» — тут же сажусь в «Стрелу» и еду в Питер. Снимаюсь один день и возвращаюсь в Москву. Потом лечу в Кишинев на премьеру фильма, на следующий день — спектакль в Минске, потом — день в Москве и снова — «Стрела».

— Не стало СССР, но вы по-прежнему народный артист и Украины, и Белоруссии, и Прибалтики, и Израиля, и США, и всех других стран, где знают и любят артиста Дурова, трагического клоуна, хулигана, анекдотчика, своего в доску мужика для всех: от академика до милиционера. Без ложной скромности можно сказать, что вы достигли сегодня высочайшего звания — просто Артист. Как вы считаете, Лев Константинович, актеры становятся или рождаются?

— Да всякое бывает. Я иногда говорю начинающему коллеге: годен, но не обучен (так у нас в военкоматах пишут в военных билетах). Театральная школа дает основу, но настоящие артистом можно стать, только если попадешь в серьезные режиссерские руки. Мне повезло — моим учителем был Эфрос. Сейчас в театре присутствует броскость, даже эпатаж, большое значение придается чисто внешним аспектам и дешевым эффектам, а ведь актеру необходимо быть разорванным изнутри, его душа должна быть готова к любой экстремальной ситуации на сцене.

Что касается тайны творчества, то она велика есть. И пытаться проникнуть в нее — занятие бесплодное. К тому же без сокровенной тайны перевоплощения труд артиста теряет свое очарование, лишается глубинного смысла.

— А что труднее актеру на сцене: вызвать слезы или смех?

— И то, и другое сложно, вопрос в сочетании. Не случайно две маски — трагическая и комическая — составляют эмблему древнегреческого театра. Вспомним трагедию Эсхила и комедию Аристофана. Люди приходят в театр, чтобы доплакать то, что они не доплакали в своей жизни. Почему люди в театре плачут или смеются? Они в жизни это сделать не успевают, не успевают выплеснуть свои эмоции: ни те, ни другие. Не успевают посочувствовать, сопережить чьей-то судьбе. Просто времени нет. А в театре они получают такую возможность, по существу, именно за этим туда и идут.

— После фильма «Не валяй дурака» многие зрители стали говорить о том, что

8.11.99

Дуров Лев Константинович